

весьма вероятное предположение, что изразцы для церкви Троицы в Костроме были сделаны в Москве, подобно зеленым изразцам Мироносицкой (Воскресенской) башни Иосифо-Волоколамского монастыря.⁹

Прежде чем перейти к характеристике изображений, напомним вкратце, что производство зеленых («муравленых») печных изразцов развилось в Москве еще в первой трети XVII в. Печи, украшенные муравлеными изразцами, назывались печами «по-польски», «по-киевски». Одной из первых такая печь была сложена в 1627 г. в Посольском приказе, а с октября 1644 г. — в остальных приказах.¹⁰ Судя по тому, что в официальных русских документах украинцы и особенно белорусы обычно назывались «польскими людьми», можно думать, что производство муравленых изразцов в Москве было налажено не без участия белорусских гончаров и резчиков. Это тем более вероятно, что документы 1650—1660-х годов сохранили имена белорусских мастеров, участвовавших в строительстве патриарха Никона (Иверский монастырь на Валдае, Новоиерусалимский храм в Воскресенском монастыре под Москвой) и в украшении Коломенского дворца. Да и перепись в 1676 г. показала, что в Мещанской слободе в Москве жило 169 тяглых ремесленников-белорусов 52 разных специальностей, в том числе: десять человек гончаров, трое печников-ценнинников и двое ценнинников, о которых было особо отмечено: «образцы делает».¹¹

Печные муравленые изразцы очень быстро начинают применяться для облицовки зданий.¹² Так, например, указ 1631 г. предписывал распечатать горны тягловых Гончарной слободы, чтобы последние выполнили заказ Приказа Большого дворца на изразцы для церкви Никиты мученика.¹³ Муравленые изразцы с рельефными сюжетными изображениями украшают церкви Дмитрия на Крови и Дивную в Угличе, шатер церкви Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевой лавре, Мироносицкую (Воскресенскую) башню (1678 г.) и надвратную Петропавловскую церковь (1679 г.) в Иосифо-Волоколамском монастыре, а также другие здания Москвы, Владимира, Суздаля, Муром, Ростова Ярославского, Ярославля и других городов.

Сюжетные изображения не впервые появились на зеленых муравленых изразцах. Аналогичные изображения наряду с орнаментом встречались на красных (неполивных) изразцах, которые предшествовали муравленным.¹⁴

Резчики форм для зеленых изразцов усвоили и значительно дополнили повествовательные сюжеты. Кроме Александрии, известной в красных изразцах, здесь и начало легенды о том, как Георгий избавил царевну от

⁹ См.: Р. Л. Розенфельдт. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме. — Советская археология, 1962, № 3, стр. 252—259. (Далее сокращенно: Р. Л. Розенфельдт).

¹⁰ См.: Н. А. Бакланова. Обстановка московских приказов. — Труды Государственного Исторического музея, вып. 3, Разряд общий, исторический, М., 1926, стр. 68.

¹¹ Л. С. Абецедарский. Белорусы в Москве в XVII в. Минск, 1957, стр. 10—13 и 21. Ср. также: Русско-белорусские связи. Сборник документов, 1570—1667 гг., отв. ред. Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков, Минск, 1963.

¹² См.: А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1, XV—XVII века М., 1938; М. Г. Рабинович. Московская керамика. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 12, М., 1949, стр. 88. (Далее: М. Г. Рабинович); Н. В. Воронцов и И. Г. Сахарова. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 44, М., 1955, стр. 77—115.

¹³ См.: Е. Шмидт. Гончарное искусство в древней Руси. — «Баян», 1914, № 2, стр. 59. Отмечено: М. Г. Рабинович, стр. 82.

¹⁴ См.: А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы; ср. Р. Л. Розенфельдт. Красные московские изразцы. — Памятники культуры, вып. 3, М., 1961, стр. 228—236